

Глава 1

---

*5 сентября 1815 года
Летерхед, Суррей*

До чего чокнутой надо быть, чтобы отправиться в прошлое? В те дни я не раз задавалась этим вопросом, но ни разу он не стоял так остро, как в тот миг, когда я пришла в себя и поняла, что лежу на сырой земле. Трава колола загривок; я видела небо и кроны деревьев, чувствовала запахи почвы и разложения. Такое ощущение бывает после обморока или когда после долгой дороги просыпаешься в непривычной постели: не понимаешь не только, где ты, но и кто ты.

Лежа там, я вспомнила, что меня зовут Рейчел. Тело вошло в резонанс с разумом, и я села, поморгала, потеряла глаза и огляделась — ничего

особенного, сплошь невыразительная серость. Я перебрала в уме побочные эффекты перемещения по кротовой норе: учащенное сердцебиение, аритмия, кратковременная амнезия, перепады настроения, тошнота, обморок, выпадение волос. Проблем со зрением в этом списке не было. Возможно, ученые об этом эффекте еще не знают.

Листья шелестели на ветру, и этот звук контрастировал с монотонным стрекотом, который, судя по всему, издавало некое насекомое, давно вымершее в моем собственном времени. Меня привел в восторг воздух 1815 года: влажный и насыщенный запахами, названий которым я не знала, он навел воспоминания о питомнике старинных растений со стеклянным куполом в Бруклинском ботаническом саду, куда нас возили на экскурсии. *Когда-то, дети, весь мир был именно таким.*

Лиам в метре от меня, на том же расстоянии, что и в шлюзе, лежал лицом вниз и подозрительно неподвижно. Аритмия способна вызвать остановку сердца. И как тогда быть? Лишиться коллеги в самом начале миссии — неужели я и правда настолько невезучая? Мне придется изображать вдову — единственный класс одинокой женщины, к которой здесь положено проявлять уважение и обходительность...

— Ты жив? — твердо спросила я.

Он не ответил. Я подползла ближе и прикоснулась к его сонной артерии — к моему облегчению, пульс имелся. Дыхание было частым и поверхностным, кожу покрывал холодный пот. Позади него в тусклом свете бледнела поросль деревьев с белыми стволами — забыла, как они назывались. Сердце

колотилось и у меня; я сделала медленный вдох и пристально посмотрела на белые деревья.

Березы! На ум пришло еще одно слово: *сумерки* — явление, которое в моем времени оставалось незримым, поскольку жизнь была расцвечена электрическим светом. Естественный свет — это выражение мы узнали из словаря, равно как и термины *растущая луна, убывающая луна, прибывающая луна, лунный серп* и названия основных созвездий. В памяти снова всплыли стальные коридоры Королевского института узкоспециальной физики, и перед глазами, словно на быстрой перемотке, пролетел тот год, что я там провела: занятия танцами и верховой ездой, уроки музыки и этикета, бесконечное чтение. Наш путь к шлюзу, последние проверки, торжественный обмен рукопожатиями со всей командой проекта «Джейн Остен»...

Я здесь. У нас получилось.

— Ты жив? — снова спросила я.

Лиам застонал, но перекатился на бок, сел и обвел взглядом окружавшие нас березы, поле и лесополосу. Расположение для портала команда выбрала с умом: место было совершенно безлюдное.

— Сейчас сумерки, — объяснила я, — поэтому все так выглядит.

Он повернулся ко мне, вопросительно выгнув темные брови.

— Вдруг ты не понял.

— Я понял. — Эти слова он произнес медленно, тихим голосом. — Но спасибо.

Я посмотрела на него искоса, гадая, был ли то сарказм, — хотелось надеяться, что это он. Когда мы

с Лиамом проходили подготовку к миссии в институте, нечто в нем всегда ускользало от меня. Слишком уж сдержанным он казался — с такими людьми ни в чем нельзя быть уверенной.

Я встала — голова закружилась, — поправила шляпку и, стряхнув с платья землю и травинки, сделала несколько неловких шагов — мой многослойный наряд шуршал, пачка банкнот, спрятанная в корсете, впивалась в тело.

Лиам задрал голову, принялся. Распрямив руки и ноги, он поднялся с удивительной грацией — как показывает мой опыт, рослые мужчины обычно неуклюжи, — потянулся, поправил кудрявый докторский парик, посмотрел вбок и замер.

— Это то, о чем я думаю?

Приглядевшись, я различила дорогу: тракт шириной с телегу, чуть дальше расходящийся в две стороны. На самой развилке стояла виселица: железная рама высотой в человеческий рост, похожая на жуткую птичью клетку, на которой что-то...

— Ох.

— Значит, они действительно были всюду, — сказал он. — Либо это просто нам так повезло.

Осознав, что с той стороны исходил один из запахов, которые я учуяла, я с отвращением уставилась на мертвеца — его пустые глазницы, казалось, смотрели на меня в упор. Гниение явно продолжалось уже некоторое время — труп был где-то на полпути между свежим и иссохшим, — но в этом сумраке сказать точно было сложно. Возможно, он был разбойником — здесь принято вешать

осужденных возле мест их преступления в назидание остальным. Возможно, если все пойдет наперекосяк, нас ждет та же участь.

Я задержала дыхание, но вонь все равно проникла в нос. Я сталкивалась с мертвецами, еще когда училась на медика, делала вскрытия — но подобного не видела. Хотя однажды, во время моей работы волонтером в Монголии, кое-кого захоронили по ошибке, и тело пришлось эксгумировать... От этой мысли к горлу подступила тошнота, и я, схватившись за шею, согнулась от рвотных спазмов. Когда они прошли, я промокнула глаза и выпрямилась — хмурый Лиам пристально за мной наблюдал.

— А ты сама-то как?

Его длинные ладони — бледные пятна, которыми заканчивались темные рукава его пальто, — вспорхнули в угасающем свете дня, будто он хотел коснуться меня, но не мог понять, до какой части моего тела можно дотронуться. До плеча? До локтя? До руки? За какую часть тела можно потрогать коллегу противоположного пола, когда ей плохо, но так, чтобы жест вышел не слишком интимным? Так и не найдя ответа на свой вопрос, он опустил руки — те повисли вдоль его тела; несмотря на ужас от соседства с покойником, это было смешно.

— В порядке, — ответила я. — Все отлично. Давай-ка двигать отсюда.

Мы отвернулись от виселицы. Суеверия мне не свойственны, но я понадеялась, что наш путь к гостинице пролегал не мимо нее.

— Север. Если солнце там — с одной стороны горизонт светлее, — значит, север в той стороне.

— Пожалуй, да, потому что в той стороне Венера, так?

— Венера?

— Вон та яркая точка на западе...

Я подавила прилив раздражения от того, что не заметила ее сама.

— Да, именно!

Мы направились в нужную сторону, сделали несколько шагов вперед, но Лиам вдруг крутанулся на месте.

— Матерь божья. Метка для портала.

Тихо выругавшись, я тоже развернулась. Неужели мы чуть не забыли нечто настолько важное? Две вмятины на траве отмечали не что иное, как контуры наших тел. Лиам вынул металлическую метку из внутреннего кармана пальто и вдавил ее как можно глубже в землю ровно между вмятинами — заостренный синий кончик метки был едва заметен.

— Спектронанометр? — намекнул он.

Я нащупала устройство, которое висело у меня на шее, — с виду янтарная капля на серебряной цепочке — и сдавила его. Оно ожило: завибрировало и пикнуло, сигнализируя, что метка рядом. Когда я отпустила его, меня затрясло. Настройки у портала были точные — и временной интервал действия, и геопозиция; мы ни за что не отыскали бы его наугад. Из другого кармана Лиам достал собственный спектронанометр — его устройство походило на маленькую табакерку, которую нельзя было открыть, — и, сжав его, замер. Ничего не произошло. Он что-то буркнул себе под нос, потряс устройство и повторил попытку.

— Дай сюда. — Я забрала у него серебристый предмет и осторожно стиснула его. Он завибрировал и пикнул; я разжала ладонь и вернула его Лиаму. — Капризные штуки.

— Очевидно.

Вокруг становилось все темнее, заметно похолодало — пора было двигаться в путь. И все же мы молча стояли там, откуда тянулась последняя ниточка, связывавшая нас с местом, из которого мы прибыли. Сколько всего должно произойти, прежде чем мы снова здесь окажемся — если предположить, что мы вообще сумеем сюда вернуться?

— Пойдем, — наконец сказала я. — Нам пора.

Мы шли по тракту, Лиам шагал размашисто, и вскоре я начала отставать, хотя обычно хожу довольно быстро. До сего момента полусапожки, вручную сшитые командой отдела костюмеров, я носила только в помещении. Подошвы у них были настолько тонкие, что ступни чувствовали каждый камешек. И все вокруг было таким же выпуклым: запахи травы и земли, крик совы вдалеке — это явно была сова. Весь мир, казалось, гудел жизнью, переливался россыпью биомассы.

Впереди показался «Лебедь» с арочным проездом во внутренний дворик и дальше к стойлам — контуры здания из беленого кирпича проступили в пляшущем свете факелов, закрепленных на его фасаде. Когда мы подошли чуть ближе, до меня донеслись мужские голоса, тихое ржание лошади, собачий лай. От страха, морозцем пробежавшего по хребту, у меня закружилась голова. Я резко

остановилась. Дальше идти не могу. Я должна идти дальше.

Лиам тоже остановился. Он встряхнулся и сделал пару звучных и протяжных вдохов. А затем неожиданно крепко ухватил меня под локоть, и мы двинулись вперед, к двери под деревянной вывеской с изображением лебедя.

— Помни: говорить буду я, — сказал он. — Здесь все решают мужчины.

И мы вошли внутрь.

Там было теплее, но довольно темно: под балочным потолком вились клубы табачного дыма, горели свечи — их света явно не хватало — и большой камин. Горстка мужчин стояла у огня, остальные расположились за столами, уставленными пивными кружками, тарелками с хлебом, говядиной, ветчиной, дичью и прочей неопознаваемой снедью.

— Смотри, сколько мяса, — шепнула я. — Невероятно.

— Тсс, не пялься.

— Видишь кого-нибудь похожего на местного работника?

— Тсс!

И тут он подошел к нам — невысокий мужчина в мешковатом костюме и засаленном фартуке. Он вытер руки грязной тряпкой и с хмурым видом смерил нас взглядом.

— Только прибыли, значит? Лошадей ваших нашлось кому принять али нет?

— Друзья подвезли нас в своем ландо. — Лиам расправил плечи и навис над мужчиной. —

Нам понадобятся комнаты, чтобы переночевать, а утром — коляска до города. — Он заговорил по-другому, даже его голос звучал иначе: он нарочито растягивал гласные, тон сменился на гнусавый, более пронзительный. Во время подготовки мы выполняли много заданий на импровизацию, однако ни разу у меня не возникало такого жуткого чувства, как сейчас: его словно подменили.

— В ландо? — переспросил трактирщик. — Не видел, чтобы тут такое проезжало.

— Если бы оно тут проезжало, нас бы высадили прямо у дверей.

Звучало вроде логично, но мужчина снова пристально уставился на нас, нахмурившись पुше прежнего.

— *À pied**, значит?

Я не сразу поняла, что он имеет в виду; это было похоже на что угодно, кроме французского языка.

— И ни единого сундука с вами нет? Не-а, нет у нас свободных комнат.

Трое мужчин за ближайшим столом — линиялые черные костюмы, парики набекрень — так засмотрелись на нас, что забыли про еду.

— Можете поужинать, а потом ступайте восвояси. — Он махнул кому-то в подсобке. — Только сначала докажите, что при деньгах.

Провинились ли мы тем, что, явившись без лошадей, произвели впечатление бедноты, или что-то еще было не так: наши манеры, наша одежда, мы *сами*? И если это заметил первый же встречный, то

---

* Пешком (фр.).

каковы наши шансы здесь выжить — не говоря уже о том, чтобы преуспеть? Лиам так сильно поблел и покачнулся, что я разволновалась, не потеряет ли он сознание — это был известный побочный эффект путешествий во времени. Страх вынудил меня рискнуть.

— Уильям! — заныла я и, вцепившись в рукав Лиамы, ухватила его под локоть, чтобы поддержать. Он опустил на меня взгляд — зрачки его расширились, я услышала, как он набрал в грудь воздух. Не глядя на сердитого трактирщика, я перешла на громкий шепот, и, хоть в горле у меня и пересохло, акцент я изобразила блестяще: — *Говорила же тебе*: папа сказал, что это безобразное место. Комнат у них нет, но, может быть, найдутся лошади. Ночь лунная! Почтовая карета и четверка, ну, может, двойка — и мы будем на месте к утру. Я обещала, что навещу леди Селден, как только мы доберемся до города, а это должно было случиться еще на прошлой неделе, если бы только не сэр Томас с его бесконечной подагрой.

Лиам перевел взгляд с меня на трактирщика и, растягивая слова, сообщил тому:

— Сэр, слово сестры — закон. Будь у вас экипаж и лошади, я бы с радостью доказал, что деньги имеются, и, надеюсь, распрощался бы с этим заведением навсегда. — Он вынул золотую монету — подлинную гинею восемнадцатого века, — подбросил ее и поймал.

Я затаила дыхание. Что, если в трактире не найдется свежих лошадей или свободной коляски? Такое случалось — животные и транспорт постоянно

перемещались между постоянными дворами. А после того как Лиам продемонстрировал, что у нас есть золото, мы превратились еще и в мишень для грабителей.

Взгляд трактирщика переполз с меня на Лиама, затем обратно. Я возвела глаза к потолку, надеясь, что всем своим видом выражаю надменное презрение.

— Я разужнаю в конюшне, сэр. Вы и леди изволите присесть?

Прежде чем мы очутились в почтовой карете — крошечной, выкрашенной в желтый цвет, пропахшей плесенью, лошадьми и влажным сеном, которым был выстелен пол, — на улице успело похолодать, взошла растущая луна. В трактире мы выпили выдохшегося красного вина и поковыряли неприятного вида мясной пирог с кожистой корочкой; сидя в углу, мы ощущали на себе тяжелые взгляды и не отваживались поверить, что карета все-таки найдется, пока не явился коридорный, чтобы проводить нас к транспорту.

Выносной взлетел на одну из лошадей, а крупный мужчина, вооруженный двумя револьверами и медным рожком, кивнул нам и забрался на запятки. За него пришлось доплатить, отчего стоимость путешествия почти удвоилась, но этой ночью встреча с дорожными разбойниками оказалась бы нектати.

— Ты отлично там справилась, — сказал Лиам своим обычным голосом — так тихо, что мне пришлось податься к нему, поскольку в этот миг наша карета со скрипом покидала постоянный двор. На

одном сиденье вполне уместилось бы трое художавых людей. Из окон, выходявших вперед, дуло; вид из них открывался на фонари по обе стороны лежавшей перед нами дороги на Лондон и два мясистых лошадиных крупа. — Быстро соображаешь. Знаю, я велел тебе молчать, но...

— Бессмысленная просьба. Ты ведь уже неплохо меня знаешь.

Он исторг нечто среднее между кашлем и усмешкой и, чуть помолчав, сказал:

— У тебя правда не было сценического опыта? До сего момента, я имею в виду.

Мне вспомнились импровизации, в которых мы участвовали во время подготовки: скажем, сцена знакомства с Генри Остеном или покупка шляпки.

— Откуда бы ему взяться?

Нас слегка подкидывало на неровной дороге, за черными кронами деревьев виднелась луна, мир за границами фонарного света был устрашающе монохромным, почти бездонной тьмой, но при этом насыщенным запахами. По инструкции от команды проекта первую ночь нам следовало провести рядом с порталом, в Летерхеде, — сначала прийти в себя после перемещения во времени, а потом уже штурмовать город. Материализоваться в Лондоне, набитом зданиями и людьми, было рискованно. Отправиться в дорогу ночью тоже было рискованно, но вариантов у нас не осталось. Интересно, гадала я, что же еще пойдет не по плану.

Не знаю, сколько я проспала, но, когда проснулась, меня колотило от холода. Лиам задремал,

упершись головой в окно — его парик сполз набок, — и теперь похрапывал. Я плотнее закуталась в шаль, завидуя его жилету, шейному платку и сюртуку — легкому, но все же шерстяному, а также ботфортам — высоким и с кисточками. На мне тоже было несколько слоев одежды, однако им не хватало плотности, свойственной мужскому костюму: сорочка, небольшое состояние в виде набитого монетами, поддельными банкнотами и аккредитивами кошелька, примотанного к моему стану, а поверх всего этого — корсет, нижняя юбка, верхнее платье и шаль — синтетическое подобие кашмирского узорчатого платка. Плечи прикрывало тонкое кружевное фишю^{*}; на мне также были вязаные хлопчатобумажные чулки, элегантные перчатки из искусственной лайки и соломенная шляпка, а вот штаны отсутствовали — в обиход им предстояло войти уже в этом веке, но несколько позже.

Тьма понемногу рассеивалась. Я с изумлением уставилась в окно: в какой момент сельский пейзаж успел смениться городским? В институте мы разглядывали старые карты, полотна и гравюры; детализированные 3D-проекции, показывавшие город с высоты птичьего полета, светились на настенных мониторах. Но, несмотря на все время, потраченное на их изучение, ничто не могло подготовить меня к такому: запахам угольного дыма и растительности, скрипу коляски, цокоту копыт, стучавшему в ушах, как мое собственное сердцебиение, — к еще

---

* Фишю — тонкий треугольный платок из легкой ткани или кружев, прикрывающий шею и декольте.

чему-то вроде силового поля, будто Лондон был другой планетой, гравитация которой так и тянула меня к себе.

В Лондоне эпохи Регентства с человеком могло случиться что угодно: вас мог сбить насмерть экипаж с понесшей лошадей, вы могли заболеть холерой, лишиться состояния, неудачно заключив пари, или чести, по глупости сбежав с возлюбленным. Надеюсь обойтись без опасных приключений, мы намеревались обосноваться в фешенебельном районе и заявить о себе как о богатых приезжих, что нуждаются в поддержке, друзьях и доходных инвестициях, — все ради того, чтобы попасть в круги, в которых вращался Генри Остен, общительный лондонский банкир и любимый брат Джейн Остен. А уже через него, опираясь на знания о том, какие события поджидали семейство осенью, подобрать к самой писательнице.

Я устроилась поудобнее рядом с Лиамом, единственным источником тепла в холодной карете, чувствуя, как облегчение, которое я испытала, когда мы покинули «Лебедь», съезжилось в комок тревоги обо всем, что ждало впереди. Меня мучило от поездки в подпрыгивающей коляске, от противного запаха плесени и лошадиного пота, от виселицы, мясного пирога и грубого трактирщика, которые все еще маячили перед глазами, и проект «Джейн Остен» уже не казался мне потрясающим. То, к чему я так стремилась, смахивало на тюремное заключение с отвратительной гигиеной, бесконечным притворством, угрозами для жизни. О чем я только думала?